

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).043

ПРОБЛЕМА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЯДА МОСКОВИТСКИХ КРЕПОСТЕЙ НА РУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В. *

THE PROBLEM OF THE GEOGRAPHICAL LOCATION OF A NUMBER OF MUSCOVITE FORTRESSES ON THE RUSSIAN-LITHUANIAN BORDER IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY

Д.А. Бессуднов

D.A. Bessudnov

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9.*

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia

E-mail: d.bessudnov@mail.ru

Ключевые слова: Литва, Великое княжество Литовское, Московское государство, Московия, Ливонская война, Иван Грозный.

Key words: Lithuania, the Grand Duchy of Lithuania, the Muscovite state, Muscovy, the Livonian War, Ivan the Terrible.

Аннотация. В статье будет рассмотрена проблема географического расположения ряда московских крепостей, построенных в ходе Ливонской войны (1558-1583) в захваченных литовских землях. В основу данной работы легли результаты исследовательской экспедиции, проведенной в рамках российско-белорусского проекта «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения», возглавляемой А. И. Филошкиным, а также результаты работы конференции, проведенной в Полоцком Государственном университете (Белоруссия) в рамках того же проекта. Непосредственное ознакомление группы исследователей с остатками укреплений в ходе полевой экспедиции служило основой для формирования ряда гипотез касательно необычного географического расположения ряда московских крепостей, построенных на захваченных литовских землях после взятия Полоцка в 1563 году. В ходе дискуссии с белорусскими коллегами на конференции полученные выводы были подвергнуты критическому анализу и сформирован ряд наиболее вероятных гипотез, объясняющих подобное месторасположение крепостей.

Resume. The article is the problem of the geographical location of a number of Muscovite fortresses built during the Livonian War (1558-1583) captured in the Lithuanian lands. The basis of this work based on the results of research expeditions conducted in the framework of the Russian-Belarusian project "their" and "foreign": the phenomenon of Borderland in the Middle Ages and the early modern period in Eastern Europe

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

as a factor of socio- and ethno-cultural identity of the population ", headed by A. I. Filyushkin, as well as the results of the conference held in Polotsk State University (Belarus) within the same project. The immediate introduction of the research team with the remains of the fortifications in the field expedition was the basis for the formation of a number of hypotheses about the geographic location of a number of unusual Muscovite fortresses built in the occupied lands of Lithuania after the capture of Polotsk in 1563. During the discussion with the Belarusian colleagues at the conference the findings were subjected to critical analysis and formed a series of the most likely hypotheses to explain the location of such fortresses.

Ливонская война 1558-1583 гг., начавшаяся с вторжения московского войска в земли Дерптской епархии, стала самой крупной военной кампанией, в которой довелось принять участие Московскому государству в XVI веке. Начавшись как карательный военный поход против Ливонии, конфликт в конечном счете перерос в масштабное противостояние, в котором, кроме Московии и Ливонии, приняли участие также Дания, Швеция и Польско-Литовское государство. Вмешательство европейских держав привело к тому, что основной театр боевых действий для Московии вскоре переместился из Ливонии в Литву. В данной статье на примере нескольких московитских крепостей, построенных в течение Ливонской войны, будет критически рассмотрен географический аспект формирования оборонительной системы Московского государства на границе с Литвой, где боевые действия велись наиболее активно.

Особенностью изучения военного строительства московитов в XVI в. является тот факт, что наибольшее внимание в историографии вопроса уделялось проблемам фортификации отдельных крепостей и оборонительной системе юго-восточных границ, и гораздо меньшее – общей тактике формирования обороны государственной границы Московии на западных рубежах¹. В исторической литературе широко представлен материал, касающийся строительства крепостей на южных, восточных границах, однако касательно строительства московитских крепостей на границе с Литвой во второй половине XVI века в историографии существует значительный пробел². Между тем, уже начиная с конца XV века в Московии начинает формироваться полноценная концепция государственной границы³. Эта граница нуждалась в постоянной защите от внешнего врага, одним из которых являлось Великое княжество Литовское. В конечном счете это привело к формированию оборонительных линий, представленных в виде цепочки отдельных крепостей. Эти крепости, по возможности, располагались таким образом, чтобы в промежутке между «звеньями» находились естественные (леса, болота) либо искусственно созданные препятствия (засека, см. далее), затрудняющие перемещение противника. Подобная система ранее использовалась для защиты земель Псковского и Новгородского княжеств⁴, однако для централизованного Московского государства это было чем-то исключительно новым.

Следует отметить, что военная техника Московии не была явлением однородным для всей территории государства. Тип и положение крепостей изменялись, подстраиваясь для противодействия определенному типу угрозы. К примеру, южные и восточные рубежи Московского государства укреплялись с расчетом на противостояние внезапным и быстрым нападением татар, которые, впрочем, не обладали артиллерией. Это предопределило характер оборонительных сооружений – здесь мы можем видеть большое количество слабо укрепленных крепостей, построенных в качестве укрытия для жителей окрестных сёл⁵. Именно здесь формируется такой тип укреплений как засека, представлявшую собой сплошную стену из поваленных друг на друга деревьев, которая крайне эффективно работала против татарской конницы, лишая их главного преимущества – мобильности.

Совсем другая картина вырисовывается на северо-западных границах. Здесь московитам приходилось иметь дело с европейскими армиями, хорошо организованными и снабженными сильной артиллерией. Подобные условия требовали создания хорошо укрепленных

¹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962; Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л., 1976.

² Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII веков. М., 1954; Глазьев В. Н., Новосельцев А. В. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселения города и окрестностей. Елец, 2001; Назарова И. В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII веков. Казань, 2009.

³ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486-1494. М., 2013. С. 96-97.

⁴ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984; Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIII-XV вв. Владивосток, 1998.

⁵ Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965. С. 83-84.

крепостей. Однако возможность к строительству таковых, ввиду постоянной угрозы нападения, имела далеко не всегда. Непосредственные боевые действия на границе с Литвой в течение 1558-1570 гг. поставили перед москвитями вопрос о защите приобретенных у неприятеля территорий. И после захвата царским войском сильной крепости Полоцк в 1563 году в его окрестностях почти сразу начинается активное строительство ряда крупных московских крепостей, таких как Сокол, Туровля, Красный, Кречет, Ула, Суша и др. Эти крепости выстраивались вдоль границы боевых действий в виде цепочки и формировали собой оборонительный рубеж на случай нападения литовского войска.

Однако географическое расположение части построенных в этот период крепостей (таких как Нещердо, Ситно, Козьян и др.) вызывает ряд вопросов касательно целесообразности их географического местоположения. Перечисленные крепости были сильно удалены в тыл, и своим положением не могли служить непосредственно защите границ новоприобретенных территорий. Данный тезис также подтверждается и малочисленностью их гарнизонов, что следует из весьма скромных размеров площади, занимаемой укреплениями этих крепостей. Этот факт был обнаружен в ходе полевой экспедиции, возглавляемой профессором А.И. Филюшкиным в рамках российско-белорусского научного проекта «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения», организованном при поддержке гранта РГНФ. Данная экспедиция, проходившая с 18 по 25 июля 2015 года, имела своей целью изучение остатков укреплений ряда московских крепостей XVI века (таких как Езерище, Сокол, Туровля и ряда других), располагающихся на территории современной Беларуси, в непосредственной близости от города Полоцка. Были также исследованы и две «тыловые» крепости – Ситно и Козьян (Козьяны). Крепость Ситно представляла собой деревянную конструкцию, полые стены которой были засыпаны землёй для большей прочности. Согласно иллюстрациям королевского картографа Стефана Батория Станислава Пахоловицкого, крепость имела треугольную форму и оснащалась тремя башнями с двускатной крышей. В 1579 году крепость была захвачена польско-литовским войском и полностью разрушена. Крепость Козьян также была деревянной и, в целом, была аналогична Ситно, отличаясь лишь формой и количеством башен – четыре башни соединялись стенами на манер равнобедренной трапеции. В том же 1579 году крепость была взята войсками Речи Посполитой и предана огню. Обе крепости занимали сравнительно небольшую площадь, но были хорошо укреплены при помощи естественных преград – и Ситно и Козьяны располагались на излучинах рек таким образом, что подойти к ним было возможно лишь с одной стороны, поскольку остальные три были отрезаны водой. Выгодное расположение этих крепостей предоставляло гарнизону значительные стратегические преимущества, однако их географическая удалённость от театра боевых действий оставляет открытым вопрос о целесообразности самого их создания. В ходе исследования остатков этих крепостей в рамках вышеупомянутой экспедиции ее участниками было выдвинуто несколько гипотез касательно их практического назначения, которые будут рассмотрены и подвергнуты критике далее.

Первая гипотеза объясняет географическую удаленность вышеупомянутых крепостей необходимостью создания инфраструктуры и поддержания связи с более значимыми порубежными крепостями. Взятие Полоцка в 1563 году немедленно поставило вопрос о его удержании и снабжении. Начавшееся строительство новых укреплений внутри самого города было также подкреплено созданием ряда крепостей, носивших вспомогательный характер, главной задачей которых являлся контроль над дорогами и обеспечение регулярного подвоза необходимых припасов к Полоцку и другим крепостям на границе. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что «тыловые» крепости неизменно располагались в непосредственной близости от рек, связывающих их с крепостями порубежными. Кроме того, упоминание о снабжении крепостей по рекам мы можем обнаружить у Гейденштейна: «Есть озеро Усция, (Uscia), из которого вытекает река того же названия, что река эта затем впадает в озеро Ужицу (Uscia) и затем, переименовав свое название в озеро Дриссу, а по выходе из сего последнего дает начало реке одного с ним наименования, и что, благодаря главным образом такому удобному положению, Москвитяне снабжают Сокол провиантом и другими необходимыми предметами»⁶. Однако данная гипотеза имеет и слабые стороны. Как уже было сказано, в ходе ознакомления группы исследователей с остатками укреплений было обнаружено, что сами «тыловые» крепости занимали весьма скромную площадь и не предполагали наличие гарнизона свыше 100-200 человек. Столь малый отряд (учитывая, что его часть так или иначе оста-

⁶Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. Кн. III. СПб., 1889. С. 162.

валась в самой крепости для ее охраны) едва ли мог эффективно обеспечить поддержание инфраструктуры, а также контроль за дорогами и\или реками, что ставит первую гипотезу под сомнение.

Согласно второй гипотезе, подобное расположение крепостей должно было осложнить возможную осаду порубежных крепостей. В случае осады гарнизон малых крепостей, находившихся в непосредственной географической близости, даже учитывая их малочисленность, создавал постоянную угрозу осаждавшим и мешал установлению круговой осады, поскольку в этом случае противник оставлял уязвимым свой тыл. Не исключается также чисто информативная функция этих крепостей, которые могли при помощи сигнальных костров и дыма сообщать о контакте порубежной крепости с противником. К сожалению, данное предположение имеет исключительно гипотетический характер и почти не имеет фактического подтверждения. Дело в том, что в местах расположения «тыловых» московитских крепостей фактически не проводились раскопки, что обусловило отсутствие археологического материала, который мог бы служить ее доказательством или опровержением. Использование сигнальных огней и дыма также видится сомнительным. Подобный вид связи в основном использовался на открытой местности и был особенно эффективен в степи. Однако местный рельеф изобилует густыми лесами и впадинами, что ограничивает видимость и изрядно снижает эффективность данного средства коммуникации.

Третья гипотеза объясняет необычное расположение ряда московитских крепостей их принципиально иной функцией, по сравнению с порубежными укреплениями. Согласно данному предположению, «тыловые» крепости были построены не для защиты, а в целях установления административного контроля над захваченными территориями и их постепенной колонизации. Данный подход отчасти подтверждается хронологией строительства московитских крепостей на литовской границе. Исходя из датировок, можно увидеть, что в первую очередь была построена цепочка пограничных, «внешних» крепостей (Сокол – 1566 год, Туровля – 1568 год, Ула – 1566 год, Суша – 1567 год), которые обладали лучшими укреплениями и явно предназначались для формирования оборонительного рубежа против литовцев. «Тыловые» крепости, в свою очередь, были построены уже после того, как закончилось строительство более приоритетных крепостей: Ситно в 1570 году, а Нещерда в 1571 году. Вероятнее всего, данные крепости строились с расчетом на установление административного контроля над захваченными территориями, что вполне объясняет малочисленность военного контингента, основной целью которого являлось установление и поддержание царской власти, а не военные действия. Вполне вероятно, что Иван IV просто перенял практику своего отца, Василия III, который закреплял захваченные литовские земли при помощи назначения великокняжеского наместника, чья власть поддерживалась силами минимального военного контингента⁷. Данное предположение, на наш взгляд, является наиболее обоснованным, и, кроме того, не исключает возможного синтеза с другими высказанными гипотезами. Впрочем, подобный подход никак не объясняет причины строительства крепости Козьян, которая также сильно занесена в тыл, но при этом была построена одной из первых, в 1563 году. Кроме того, данная гипотеза, к сожалению, также никак не основывается на археологическом материале по причинам уже указанным выше, что оставляет значительный простор для критики и обсуждения в дальнейшем.

Как можно видеть, проблема тактики формирования обороны государственной границы Московии на западных рубежах в XVI веке по-прежнему остается открытым. Отрицательно сказывается на ходе исследования значительный пробел в археологическом материале и данную лакуну заполнить пока что нечем. Остается надеяться, что белорусские археологи всё же проявят интерес к наследию Ивана Грозного и в скором времени в научный оборот будут включены новые материалы, которые позволят исследователям с большей уверенностью судить о принципах формирования системы оборонительных рубежей Московского государства в XVI веке.

⁷ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в. М., 2010. С. 250-259.